

Введенский А. И. Новости западной философской литературы:
(Статья 1-я:) Введение в философию // Богословский вестник 1896.
Т. 1. № 1. С. 138–162 (2-я пагин.).

НОВОСТИ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹⁾.

(Статья первая).

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

Трагична судьба философіи! Она насчитываетъ себѣ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; однако, и доселѣ право ея на существованіе нерѣдко подвергается вопросу. Если сравнить число книгъ и журнальныхъ статей, ежегодно посвящаемыхъ обсужденію вопроса о томъ, что такое философія, съ общимъ числомъ философскихъ книгъ, то окажется, что первыя составляютъ довольно значительный процентъ. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что вопросы о предметѣ, задачахъ и составѣ философіи еще и доселѣ не окончены и занимаютъ очень многихъ.

Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать! Наше время для философіи не только не хуже другихъ, но если и не есть ея лучшее время, то во всякомъ случаѣ одно изъ лучшихъ. Въ жизни мысли, какъ и въ жизни океана, есть свои приливы и отливы. Иногда къ философіи приливаютъ лучшія силы вѣка и тогда въ ней замѣчается особенное оживленіе и жизнь, но затѣмъ интересъ къ ней обыкновенно снова угасаетъ и она снова начинаетъ жить вялою жизнью. Наша эпоха, по замѣчанію многихъ, есть именно одна изъ тѣхъ эпохъ, когда философія, переживъ тяжелую пору, начинаетъ снова привлекать къ себѣ вниманіе и оживаетъ.

¹⁾ Настоящею статьею мы открываемъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ особый отдѣлъ, въ которомъ время отъ времени будемъ знакомить читателей съ выдающимися литературными явленіями въ области западной философіи,—по возможности, важнѣйшимъ ея отраслямъ, а именно: 1) по Введенію въ философію, Метафизикѣ и Философіи религіи (*А. И. Введенскій*); 2) по Логикѣ и Теоріи знанія (*П. В. Тихомировъ*); 3) по Психологіи (*П. П. Соколовъ*); 4) по Этикѣ (*И. В. Потовъ*) и пр. *Ред.*

Нѣкогда,—такъ изображаетъ измѣнчивую судьбу философіи одинъ изъ авторовъ, о книгѣ котораго мы будемъ говорить ниже,—нѣкогда царственная философія единодержавно управляла отдѣльными частными дисциплинами, улаживала ихъ споры, давала имъ мудрые совѣты и щедро открывала всѣмъ нуждающимся свою сокровищницу идей и методовъ. И нуждающіеся шли къ ней свѣтлыми толпами и усердно стремились слѣдовать наставленіямъ повелительницы и извлекать для себя выгоду изъ ея примѣра и богатствъ. Но вотъ они пробудились какъ-бы отъ тяжелаго сна: путь, который имъ указывали, оказался путемъ ложнымъ; блага, которыя они получали, оказались ничего не стоящей мишурой, а горделивый и величавый образъ царицы, съ которымъ они стремились сравняться, оказался лишь призракомъ совершенства. Тогда ее свергли съ престола, а быстрое и плодотворное развитіе, при помощи однихъ собственныхъ силъ, скоро привело обманутыхъ философіею къ притязательному самооправданію и самовозвеличенію. Отъ прежняго органически расчлененнаго царства мысли теперь не осталось и слѣда и въ область научнаго труда, нѣкогда упорядоченнаго и организованнаго, вторгалась анархія. Между тѣмъ, царица (философія), отвергнутая и покрытая позоромъ, пришла въ себя и собрала свои силы. Она отказалась отъ ничтожныхъ плодовъ своего діалектическаго искусства, научилась сообразовываться съ фактами и стала заботиться о тщательности и достовѣрности даже и въ мелочахъ. Когда же затѣмъ прежніе подданные овладѣли, въ бѣшепомъ натискѣ, покинутымъ скиптромъ и хотѣли вручить власть бездушнѣйшей матеріализма; тогда развѣнчанная царица снова выступила на первый планъ во всеоружіи теоріи знанія, отвратила грозу и въ твердыхъ и умныхъ выраженіяхъ указала безумцамъ ихъ границы. Съ той поры уваженіе къ ней значительно возросло,—особенно когда замѣтили, что она уже не питаетъ болѣе никакихъ властолюбивыхъ притязаній. И вотъ теперь водворяется миръ: философія работаетъ теперь *черезъ* отдѣльныя науки, *вмѣстѣ* съ ними и *для* нихъ,—разрабатываетъ метафизику, теорію знанія и другія отрасли философскаго знанія, подготовительныя для наукъ. Въ свою очередь и эти послѣднія уже обнаруживаютъ теперь склон-

ность пользоваться услугами философіи, служить вмѣстѣ съ нею общимъ задачамъ знанія и дѣлать свои вклады“¹⁾). Эта яркая страница вѣрно характеризуетъ совершающуюся въ послѣднее время перемѣну въ судьбахъ и положеніи философіи,—перемѣну, какъ видимъ, къ лучшему.

Въ частности въ области вопросовъ, входящихъ въ составъ „Введенія въ философію“, указанная перемѣна въ судьбахъ философіи проявляется въ томъ, что, хотя по прежнему объ этихъ вопросахъ ведутся толки и споры, однако эти споры теперь уже все болѣе и болѣе теряютъ свой прежній острый, случайный и личный характеръ и организируются въ положительные типы мысли, выражающіе опредѣленные точки или углы зрѣнія на вопросъ, другъ друга предполагающіе и дополняющіе. Въ спорахъ о философіи уже не такъ замѣтны теперь прежнія, чисто отрицательныя тенденціи, меньше страстности, больше объективности и способности признавать истину даже и у противника. Каждый изъ современныхъ взглядовъ на философію обыкновенно признаетъ и отбѣняетъ въ ней какой-нибудь положительный элементъ, какую-нибудь важную и значительную сторону и, такимъ образомъ, взаимно поправляя другъ друга, современные взгляды на философію даютъ въ общемъ довольно опредѣленное представленіе объ ея положительныхъ задачахъ и роли въ общемъ организмѣ челоувѣческаго знанія. Мы ограничимся здѣсь характеристикой лишь наиболѣе типичныхъ и значительныхъ сочиненій послѣдняго времени, относящихся къ области поставленнаго нами въ заглавіи настоящей статьи частнаго вопроса.

I.

Max Limbourg, Prof. an der Universität Innsbruck: Begriff und Eintheilung der Philosophie (historisch-kritische Untersuchung). Innsbruck, 1893. Ss. 59.

Въ ряду современныхъ движеній западной философской мысли совершенно особнякомъ стоитъ философія католическая. Это очень своеобразный и послѣдовательно проведенный типъ мысли, живущій самостоятельною жизнью. У ней есть свои традиціи, свои великія имена, свои, такъ ска-

¹⁾ *Oswald Külpe*: Einleitung in die Philosophie, Leipzig, 1895. Ss. 267—8.

затѣ, философскіе догматы. Надъ нею, кажется, не имѣтъ истины время. Въ писаніяхъ ея современныхъ представителей, кажется, все еще дышешь воздухомъ Ѳомы Аквината и даже—Аристотеля. Въ частности и въ нашемъ вопросѣ, т. е. во взглядѣ на предметъ, задачи и составъ философіи, она представляетъ довольно своеобразное, хотя и не столь ярко выдѣляющееся, какъ въ отношеніи къ другимъ вопросамъ философіи, движеніе мысли.

Книжка, заглавіе которой мы выписали, составлена очень тщательно, сопровождается обильными цитатами изъ древне-философской, патристической и схоластической литературы вопроса и, поэтому, не смотря на краткость, даетъ опредѣленное понятіе о философіи съ точки зрѣнія католической. Авторъ разъясняетъ сначала названіе философіи, потомъ устанавливаетъ понятія знанія, науки и мудрости и, наконецъ, отсюда переходитъ уже къ опредѣленію философіи и выясненію ея задачъ и состава.

Философія, по этимологическому смыслу слова, есть любовь или стремленіе къ мудрости. Почему за философію удержалось именно это названіе? „Человѣкъ,—разъясняетъ Лимбургъ,—созданъ мудростью и *для* мудрости. Отсюда—стремленіе его существа къ изслѣдованію мудрости, къ достиженію своего идеала,—вѣчной мудрости. И вотъ почему уже въ глубокой древности всѣ тѣ, которые проявляли особенное стремленіе къ изслѣдованію и познанію вещей, назывались именами мудрецовъ. Но сколь ни характерно и даже какъ-бы пророчественно это имя, поскольку оно содержитъ указаніе на Первообразъ и назначеніе нашего духа; однако все-же особенно человѣкъ еще не удостоенный свѣта, сходящаго свыше, могъ чувствовать, какою тьмою покрыты для него важнѣйшіе и значительнѣйшіе вопросы жизни и вотъ почему онъ какъ-бы устранился той притязательности, которая выражается въ названіи мудреца“ (7 — 8) и оставилъ себѣ лишь *стремленіе* къ мудрости. Вотъ внутренний мотивъ, почему Пиеагоръ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ позднѣйшіе философы отклоняли отъ себя названіе мудрецовъ и предпочитали называться просто философами.

Итакъ, философія есть стремленіе къ мудрости. Но что такое мудрость? Это есть высшее и совершеннѣйшее про-

явленіе знанія и именно—знанія методическаго, научнаго. Но что такое наука? „Наука есть сумма знаній, приобретённыхъ изъ *основаній* и *причинъ* ихъ предмета и организованныхъ въ одно связанное цѣлое“. Въ наукѣ двѣ стороны или два момента: формальный и матеріальный. Въ *формальномъ* отношеніи наука должна быть знаніемъ предмета въ его основаніяхъ и причинахъ (а не съ внѣшней только и поверхностной стороны) и наука тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ глубже она проникаетъ въ познаніе этихъ причинъ и основаній (принциповъ) предмета. Идеаломъ науки въ этомъ отношеніи было-бы проникновеніе въ послѣдніе и высшіе принципы даннаго предмета или извѣстной области бытія. Въ *матеріальномъ* отношеніи наука должна быть знаніемъ *всѣхъ*, относящихся къ ея области предметовъ и въ этомъ отношеніи она будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнѣе и шире обнимаетъ свою область; матеріально-совершенная наука должна *исчерпывать* свою область, быть адекватнымъ знаніемъ ея. Итакъ, глубина, широта и связанность знанія,—вотъ признаки, которыми опредѣляется совершенство науки, разсматриваемой вмѣстѣ и въ формальномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Абсолютно совершенная наука была-бы разомъ и самою глубокою и самою полною (всеобъемлеющею, универсальною). Такую науку и можно было бы съ полнымъ правомъ назвать *мудростью*: она обнимала бы всѣ вещи и при томъ—со стороны ихъ абсолютно высшихъ и послѣднихъ основаній и причинъ (21—5). Говоря иначе, универсальная наука или мудрость есть *знаніе существеннаго во всей совокупности вещей*.

На основаніи сказаннаго, философію можно опредѣлить, какъ „стремленіе къ познанію вещей въ ихъ высшихъ основаніяхъ и причинахъ“ или, по другой формулѣ, — какъ „стремленіе къ познанію вещей такъ, какъ онѣ существуютъ“ (*Philosophia est cognitio rerum, ut sunt*) и при томъ познаніе съ помощію лишь *естественнаго* свѣта: разума (*cognitio certa et evidens rerum per altiores causas, naturali lumine parta*). Такъ какъ истина есть благо ума, то стремленіе къ познанію истины или приобретенію мудрости (философію) можно назвать *добродѣтелью ума*, точно такъ-же какъ стремленіе къ нравственному совершенству мы называемъ добродѣтелью воли. Конечная цѣль всѣхъ этихъ

стремлений—познаніе Первоисточника всего сущаго, Бога (30—41).

Какъ относится философія къ другимъ наукамъ и каковъ ея составъ? Какъ *универсальная* наука, философія должна включатьъ въ себя высшіе принципы всѣхъ спеціальныхъ наукъ, но не можетъ быть отождествляема съ этими послѣдними. Это—архитекторъ, который организуетъ частныя науки, оставаясь однако въ извѣстномъ отношеніи внѣ и выше ихъ.

Что касается состава и раздѣленія философіи, то, опираясь главнымъ образомъ на *Свареца* (Suarez), Лимбургъ руководствуется въ данномъ отношеніи принципомъ *относительной общности* или абстрактности философскихъ наукъ. Первую, низшую группу образуетъ *натурфилософія*, въ составъ которой входятъ науки, хотя и отвлекающіеся уже ото всего индивидуальнаго и частнаго въ предметахъ, но еще не покидающіе почвы внѣшняго опыта,—чувственной стороны вещей: ихъ предметъ общія свойства и природа бытія чувственнаго. Вторую группу образуютъ науки характера *формальнаго* и главнымъ образомъ науки математическія, изслѣдующія уже не чувственные свойства вещей, а то, что служитъ ихъ предположеніемъ.—протяженіе (число, величина и т. д.). Наконецъ, надъ обѣими этими научными областями возвышается *Метафизика*, изслѣдующая *упостигаемую* основу сущаго (качество, субстанція, потенція, актъ, чистый духъ, Божество). Эта часть философіи, называемая такъ-же *естественнымъ богословіемъ* или *философіею первою*, относится къ другимъ наукамъ такъ-же, какъ душа къ тѣлу. Это—царица наукъ.

Со взглядомъ на философію неосхоластиковъ, кромѣ книжки Лимбурга, можно ознакомиться по книгѣ *Шютца* (*Schütz*, Prof. der. Phil. am Priesterseminar zu Trier: *Einleitung in die Philosophie*, 1879), который излагаетъ предметъ съ той-же точки зрѣнія, но гораздо подробнѣе (кромѣ опредѣленія и раздѣленія философіи, особыя главы посвящены вопросамъ: о научномъ характерѣ, источникахъ и методѣ философіи). Книга, какъ вообще писанія схоластиковъ, нѣсколько утомляетъ своими безконечными опредѣленіями, раздѣленіями, дедукціями и редукціями; но есть въ ней и полезныя указанія и соображенія. Правда, это—

книга уже не изъ новыхъ; но, — повторяемъ, — надъ схоластикой не имѣеть власти время.

II.

Johannes Volkelt, Prof. der Philosophie an der Universität zu Würzburg: Vorträge zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart. München, 1892. Ss. I—VIII + 230. (Эта новая книга Фолькельта представляетъ развитіе взглядовъ, въ общихъ чертахъ намѣченныхъ уже въ его вступительной лекціи, сказанной въ Базельскомъ университетѣ въ 1883 г.: über die Möglichkeit der Metaphysik. Leipzig. 1884).

Неосхоластическое или, что тоже, Аристотеле-Θомистическое пониманіе философіи, на почвѣ котораго оно стоитъ, представляетъ довольно замѣтную односторонность: оно усваиваетъ философіи исключительно *теоретическое* значеніе, что и выражается въ опредѣленіи ея, какъ стремленія къ изысканію *причинъ и основаній или принциповъ вещей* (моментъ въ понятіи философіи теоретическій). Однако философія, — такъ всегда возражали и возражаютъ противъ этого теоретическаго пониманія ея, — имѣеть значеніе не только и, можетъ быть даже, *не столько* для мысли, сколько для жизни. Во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній моментъ въ понятіи о ней не слѣдуетъ упускать изъ виду, какъ это дѣлаетъ неосхоластикъ. Именно такую постановку дѣла мы и находимъ въ вышеуказанной книгѣ Фолькельта, — талантливаго автора большаго и цѣнимаго философскаго труда: *Erfahrung und Denken* (1886, Ss. I—XVIII + 556).

Книга Фолькельта составлена изъ публичныхъ лекцій и потому изложена живо и доступно, — не въ ущербъ, однако, серьезности и научности. Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ современныя движенія философской мысли, Фолькельтъ ярко очерчиваетъ „теоретическаго человѣка въ его величіи и односторонности“ (стр. 42—4) и вмѣстѣ съ тѣмъ переходитъ къ выясненію понятія о философіи. Въ понятіи философіи онъ различаетъ двоякій смыслъ: съ одной стороны, это — опредѣленная наука, съ другой — особая форма внутренней жизни или настроенія.

Какъ наука, философія удовлетворяетъ всѣмъ основнымъ требованіямъ, которыя законно могутъ быть предъявляемы ко всякой наукѣ, — а именно требованіямъ: критичности, методичности и предметности. — Всего опредѣленнѣе философія выступаетъ, какъ критика и методологія наукъ, — специальныхъ и философскихъ. Въ этомъ своемъ значеніи она, въ большинствѣ случаевъ, принимается безъ возраженій и споровъ, что и понятно. Вѣдь въ специальныхъ наукахъ, какъ извѣстно, всегда можно указать множество догматическихъ, критически не провѣренныхъ, утверженій; далѣе, въ нихъ ведутся постоянные пограничные споры; замѣтно иногда переступаніе законныхъ границъ и вторженіе въ чуждыя имъ области и т. д. Съ другой стороны, споры постоянно ведутся и въ философіи, — какъ пограничные, такъ и внутренніе. Необходима, въ виду всего этого, особенная наука, которая-бы улаживала споры, критически очищала поле мысли отъ всякаго догматическаго балласта. Это, какъ извѣстно, и беретъ на себя философская *теорія знанія* или *гносологія* т. е. наука „о происхожденіи, достоверности и объемѣ человѣческаго познанія“. И беретъ законно: если *она* не возьметъ на себя этой задачи (вмѣстѣ съ логикою), то ее некому будетъ взять. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, какъ теорія знанія, философія имѣетъ несомнѣнное право на существованіе. — Но если теорія знанія есть *основа* наукъ, то метафизика должна и можетъ быть ихъ не менѣе законнымъ *завершеніемъ*. Какъ теорія знанія, философія отвѣчаетъ главнымъ образомъ потребности нашего развитаго разума *въ научной методичности и критичности знанія*; какъ метафизика, она отвѣчаетъ потребности въ его предметности (объективности) и предметной связности. Наукъ много; но между всѣми ими есть нѣчто общее, — именно имъ свойственны нѣкоторыя общія понятія (пространство, время, величина, законъ, сила, причина, цѣль и т. д.): какаѣ науки должны заниматься установкою и разъясненіемъ этихъ, всѣмъ наукамъ равно свойственныхъ, понятій? Конечно, та, которая стоитъ какъ-бы внѣ и выше другихъ наукъ. А такова именно и есть философія въ своей метафизической части. Съ другой стороны, нужна такая наука, которая-бы сводила результаты специальныхъ наукъ къ единству и устанавливала общіе законы,

обосновывая ихъ на неподвижномъ абсолютномъ началѣ, — этомъ необходимомъ, всюду вторгающемся, постулатѣ чело-вѣческаго разума: и съ этой стороны опять открывается необходимость метафизики. Фолькельтъ убѣдительно и осно-вательно доказываетъ далѣе возможность и осуществимость такой „гипотетически-объяснительной и постулирующей на-уки“ (69—77). Тому, кто сталь-бы отвергать метафизику именно вслѣдствіе этого ея гипотетическаго характера, какъ это дѣлаетъ, наприм., Риль, Фолькельтъ разъясняетъ, что „наука не только тамъ, гдѣ даются безусловно принуди-тельные доказательства, но и повсюду тамъ, гдѣ можно установить *опредѣленный результатъ* логическихъ изслѣ-дованій вопроса, — пусть этотъ результатъ будетъ обладать лишь незначительною степенью достовѣрности: исторія и филологія полны догадокъ и лишь вѣроятныхъ допущеній даже въ естественныхъ наукахъ гипотезы неизбѣжны (на-прим., самый законъ сохраненія силы, говоря строго, есть лишь гипотеза), такъ что и метафизика, пользуясь гипо-тезами и постулатами, не вводитъ какого-либо новаго по-нятія науки“... (стр. 77). Какъ-бы то ни было, метафи-зику признаетъ здравый челоуѣческой смыслъ, а невольно — даже и ея противники: представители „точного“ знанія, какъ-бы они ни отрицались отъ метафизики, невольно и неизбѣжно, въ той или другой мѣрѣ, переступаютъ границы опыта и „метафизируютъ“. Да и нельзя иначе! Корни ме-тафизики заложены въ природѣ нашего разума и въ уст-ройствѣ міра, который отсылаетъ мысль дальше себя и глубже своей поверхности. — Наконецъ, между *основаніемъ* (теорія знанія) и *вершиною* (метафизика) философской мысли лежитъ „средняя область“, — область природы и духа, относительно которой у философіи опять-таки есть своя задача, отличная отъ задачъ специальныхъ наукъ, а именно — задача рассмотреть эти области съ общихъ точекъ зрѣнія и расположить или организовать, подъ этимъ угломъ зрѣнія, результаты наукъ опытныхъ и специальныхъ. Къ сожалѣ-нію, авторъ лишь кратко говоритъ объ этой, „средней“ области философіи, ограничиваясь лишь перечнемъ вопро-совъ, входящихъ въ область философіи природы (матерія, сила, движеніе, дарвинизмъ и пр.), равно какъ и основ-ныхъ философскихъ наукъ о духѣ („философская“ психо-

логия, эстетика, этика, вмѣстѣ съ философією права и государства, философія религіи и философія наукъ или научнаго знанія). Предметъ философскихъ наукъ о духѣ (за исключеніемъ психологіи)—идеалы человѣчества и, поэтому, законы, ими устанавливаемые, имѣютъ *нормативное* значеніе. Къ философскимъ наукамъ о духѣ, кромѣ пяти перечисленныхъ, Фолькельтъ относитъ наконецъ, и *философію исторіи* духовнаго развитія человѣчества. — Итакъ, составъ философскаго знанія, по Фолькельту, опредѣляется слѣдующими науками: основною (теорія знанія), „средними“ (только-что указанные науки о духѣ вмѣстѣ съ философією природы) и завершительною (метафизика). Что эта схема не воплиѣ безупречна, — это отчасти видитъ и самъ Фолькельтъ. Такъ, относительно теоріи знанія онъ дѣлаетъ оговорку, что ее по необходимости приходится помѣщать и въ классъ наукъ „*среднихъ*“ и вмѣстѣ разсматривать, какъ основную философскую науку. Ясно, что классификаціонный принципъ Фолькельта далеко не безупреченъ.

Превосходно изложены и весьма содержательны у Фолькельта чтенія, посвященные вопросамъ объ отношеніи философіи къ жизни и культурѣ (четвертое и шестое).

Философія, какъ было сказано уже выше, по Фолькельту, больше, чѣмъ просто наука. Это— „*нравственная задача*“. Во первыхъ, чтобы сообщить своей *дѣятельности* опредѣленный и устойчивый характеръ,—а къ этому обязывается своею совѣстію всякій, сознающій свое достоинство, человѣкъ,—необходимо обосновать правила своей дѣятельности и поведенія на опредѣленныхъ взглядахъ на бытіе и жизнь т. е. необходимо философствовать. Во вторыхъ, размышленіе, философствованіе необходимо и для сообщенія устойчивости жизни нашего *чувства*. „Человѣкъ долженъ проходить свой жизненный путь съ яснымъ, свѣтлымъ и свободнымъ сознаниемъ“ (98); но какъ возможно это безъ яснаго знанія той среды и тѣхъ условій, въ которыхъ онъ живетъ и призванъ дѣйствовать т. е.—безъ знанія міра, его законовъ, назначенія и т. д.? Наконецъ, только философія, какъ пониманіе всего существующаго подъ формою вѣчности (*sub quadam aeternitatis specie*), можетъ возвышать человѣка надъ временными и преходящими интересами,—въ

область идеала и тѣмъ углублять и облагораживать его жизнь. Но, конечно, когда говорятъ о философіи, какъ о жизненной силѣ,—добавляетъ авторъ,—разумеютъ преимущественно лишь нѣкоторыя извѣстныя части философіи: этику, философію религіи, метафизику, эстетику и при томъ и въ этихъ философскихъ дисциплинахъ,—лишь ихъ общіе результаты, которые способны затронуть чувство и перейти въ настроеніе. И это справедливо: развитію философіи могло-бы вредить, если бы всѣ ея чисто логическія изслѣдованія и построенія стали приспособлять именно къ этимъ практическимъ потребностямъ сердца. Но за то въ тѣхъ частяхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ этимъ послѣднимъ, личная убѣжденность философа, выносимая изъ практическихъ опытовъ и настроеній, можетъ много содѣйствовать возвышенію степени достовѣрности философскихъ выводовъ. Принимая форму проникнутой вѣрою и созерцательной настроенности (d. Philosophie, als *Gesinnungsglaube* und *Kontemplation*), этотъ личный факторъ, съ одной стороны, усиливаетъ степень достовѣрности нашихъ философскихъ размышленій, съ другой,—сообщаетъ болѣе опредѣленное направленіе и расширяетъ ихъ содержаніе. Рѣшаетъ, конечно, въ концѣ концовъ, все-же логика; но чувство и практическіе мотивы одушевляютъ работу мысли и сообщаютъ ей своеобразную окраску и направленіе.

Къ культурѣ философія стоитъ въ двойномъ отношеніи: дѣйствуетъ на нее и сама воспринимаетъ ея воздѣйствія. Гегель говоритъ: „каждая философія есть философія своего времени,—извѣстная *философія есть ея время, отображенное въ мысляхъ*“. Это вѣрно: на философіи всегда, въ большей или меньшей степени, можно прослѣдить отображеніе данной эпохи. Такъ, въ сочиненіяхъ Ницше отобразилось потрясенное въ самыхъ своихъ основахъ, растатанное и терзаемое противорѣчiami, настроеніе умовъ нашей эпохи. Вообще, въ философіи, — конечно, органической, а не искусственной, — эпоха отражается, какъ въ зеркалѣ. Но за то, съ другой стороны, и жизнь всегда испытываетъ на себѣ, часто незамѣтное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное, отраженіе и вліяніе философскихъ идей. Примѣры извѣстны. Идеи Лейбнице-Вольфіанской и Кантовской философіи оказывали могучее вліяніе на всѣ сто-

роны жизни своихъ эпохъ и отражались какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ и даже въ политической и экономической жизни. Конечно, философія не можетъ и не должна ставить своею задачею преобразование и насильственную ломку жизни во имя идей: это поставило-бы ее въ двусмысленное и сомнительное отношеніе къ жизни. Но философія можетъ *косвенно* содѣйствовать ея развитію и прогрессу,—путемъ методической постановки волнующихъ современные умы вопросовъ (какъ она это и дѣлаетъ въ последнее время, наприм., относительно рабочаго и др. вопросовъ, составляющихъ теперь злобу дня), путемъ правильной оцѣнки господствующихъ идей и интересовъ, путемъ направленія общаго сознанія въ сторону идеаловъ и т. д. Далѣе авторъ показываетъ на примѣрахъ, въ чемъ и какъ именно могла-бы современная философія помочь улучшенію и развитію жизни. Она могла-бы и должна-бы, наприм., выяснитъ принципиальную непродуманность социалистическихъ теорій (которыя обыкновенно характеризуются поразительнымъ незнаніемъ человѣческой природы и постановкою совершенно ложныхъ цѣлей жизни); должна-бы, далѣе, охлаждать распространенное въ современномъ обществѣ увлеченіе „этическимъ натурализмомъ“ (т. е. взглядомъ на нравственность, какъ на продуктъ *природы*, а не какъ на наше свободное дѣло), „интеллектуализмомъ“, стремленіемъ къ „механизациі жизни“ (т. е. къ замѣнѣ личной инициативы и всего индивидуальнаго въ жизни—механическою „работою“ по одному, разъ установленному, шаблону, что ведетъ косвенно къ господству въ современномъ обществѣ „средняго человѣка“ и большинства) и т. д. По всѣмъ этимъ вопросамъ авторъ высказываетъ много цѣнныхъ и серьезныхъ замѣчаній, заслуживающихъ самаго серьезнаго вниманія.

Указывая столь мѣтко недуги, которыми болѣетъ наше время, авторъ, къ сожалѣнію, самъ заплатилъ дань одному изъ нихъ,—интеллектуализму. Интеллектуализмомъ проникнута у него вся глава объ отношеніи философіи къ религіи. Онъ горячо говоритъ о значеніи религіи,—этого „незамѣнимаго источника утѣшенія и силы“; оспариваетъ извѣстное положеніе Гёте, по которому „кто обладаетъ наукою и искусствомъ, тотъ будто-бы уже имѣетъ и религію“; признаетъ религіозность необходимою составною чертою

идеала человѣка и т. д.; но при этомъ религію онъ понимаетъ слишкомъ широко и неопредѣленно и подчиняетъ ее верховному суду разума. Это, конечно, естественно и понятно у автора, какъ сына своей эпохи. Но, съ другой стороны, эти увлеченія автора модными современными вѣяніями не только вообще достойны сожалѣнія, но едва ли мирятся и съ общею точкою зрѣнія его самого. Вѣдь онъ-же усваиваетъ чувству и индивидуальности право отказывать направляющее вліяніе на движеніе самой мысли: зачѣмъ-же здѣсь, въ самой интимной области, въ жизни религіознаго чувства, онъ подчиняетъ ее контролю разсудка, въ своей исключительности всегда односторонняго, а въ высшихъ вопросахъ религіозной жизни и мысли прямо некомпетентнаго?!

Только-что отмѣченная односторонность нарушаетъ общее впечатлѣніе отъ книги. Къ счастью, трактатъ объ отношеніи философіи къ религіи не имѣетъ органической связи съ остальными частями книги и не отражается на постановкѣ другихъ вопросовъ. Въ виду этого, книгу Фолькельта все-таки можно рекомендовать тому, кто ищетъ разъясненія вопросовъ объ отношеніи философіи не къ религіи, но къ наукѣ, жизни, культурѣ. По всѣмъ этимъ вопросамъ авторъ высказываетъ много замѣчаній глубокихъ и вѣскихъ. Въ концѣ книги приложены сдѣланные ученыя примѣчанія, которыя еще болѣе увеличиваютъ научный интересъ и цѣнность книги. По этимъ примѣчаніямъ можно освоиться съ основными движеніями современной литературы по затрогиваемымъ вопросамъ. Большой интересъ представляетъ такъ-же живая и яркая характеристика движенія философской мысли девятнадцатаго вѣка, образующая первое, вводное чтеніе. Вообще, не смотря на вышеуказанную односторонность, книгу можно рекомендовать, какъ интересную и полезную при изученіи вопросовъ, входящихъ въ составъ „Введенія въ философію“, во многихъ отношеніяхъ (хотя и не во всѣхъ, какъ видѣли).

III.

Ernest Naville: La définition de la philosophie.
Paris. 1894. P. p. I—XV+289.

Имя Навиля у насъ хорошо извѣстно (по многимъ его сочиненіямъ, переведеннымъ на русскій языкъ, каковы, наприм.: „Логика гипотезы“, „Вопросъ о злѣ“, „Вѣчная

жизнь“ и др.). Въ настоящее время Навиль уже глубокий старецъ (ему около 75 лѣтъ). Закончивъ свое пятидесятилѣтнее служеніе Женевскому университету, онъ захотѣлъ подвести итоги своей научно-философской дѣятельности. „Мнѣ хотѣлось-бы, — говоритъ онъ въ предисловіи, — опубликовать полный курсъ философіи, осуществляющій идею, которую я составилъ себѣ объ этой „царицѣ наукъ““. Книга, которую читатель имѣетъ предъ глазами, есть лишь введеніе къ этому большому труду. Это, если употребить сравненіе, есть лишь фасадъ и входъ въ умственное зданіе. Для построенія этого зданія я собралъ много матеріала; но при своемъ возрастѣ и вслѣдствіе упадка силъ, вѣроятно, я не буду въ состояніи воспользоваться собраннымъ матеріаломъ для выполненія труда, планъ котораго составилъ. Окончивъ въ него введеніе, я рѣшаюсь его опубликовать въ надеждѣ, что, если я самъ не успѣю сдѣлать большаго, то по крайней мѣрѣ эти страницы дадутъ моимъ читателямъ опредѣленное понятіе о философіи, какъ я ее понимаю и, быть можетъ, пробудятъ въ душѣ какого-либо труженика, помоложе меня, который будетъ раздѣлять мои взгляды, желаніе осуществить составленный мною планъ“ (р. XV—XVI).

Книга Навиля даетъ гораздо больше того, что обѣщаетъ ея заглавіе. Она содержитъ въ себѣ не только опредѣленіе философіи, — широко и подробно разъясненное, — но цѣлую теорію науки, при чемъ попутно авторъ намѣчаетъ общія свои философскія убѣжденія и затрогиваетъ массу частныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей знанія.

Подобно Фолькельту, и Навиль различаетъ въ философіи два смысла: жизненно-практической и теоретической. „Слово философія, въ практическомъ смыслѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ его этимологіи, указываетъ на образъ жизни и расположеніе души. Это, по опредѣленію Словаря Французской Академіи, — „твердая и возвышенная настроенность, благодаря которой человѣкъ становится выше случайностей жизни““. Въ смыслѣ теоретическомъ философія есть наука“ (стр. 1). Авторъ не теряетъ изъ виду практическихъ задачъ и практическаго значенія философіи; но его трудъ посвященъ главнымъ образомъ установкѣ понятія объ ней, именно какъ о наукѣ.

При опредѣленіи всякаго понятія, логика требуетъ прежде всего указать родовой признакъ, а потомъ—видовыя особенности. Родовой признакъ философіи въ теоретическомъ смыслѣ этого термина есть наука: поэтому авторъ и начинаетъ свое изслѣдованіе обстоятельнымъ выясненіемъ природы и свойствъ науки, а затѣмъ, во второй части своего труда, уже устанавливаетъ и видовыя (специфическія) особенности философіи, какъ науки своеобразной, особенной въ ряду другихъ наукъ ¹⁾.

„Наука есть состояніе мысли, обладающей истинною“ и предполагаетъ въ человѣкѣ, съ одной стороны, потребность въ истинѣ, съ другой,—способность знать ее. Но что такое истина? „Истина есть извѣстное качество сужденій“ — именно ихъ принудительность для индивидуальной мысли. Вопросъ теперь, слѣдовательно, сводится къ тому, какъ мы удостоверяемся въ принудительномъ или обязательномъ характерѣ для нашей мысли извѣстныхъ сужденій. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ авторъ подробно говоритъ о природѣ, методѣ, значеніи (т. е. о степени законности научныхъ притязаній) и постулатахъ науки.—*Предметъ* науки есть дѣйствительность; ея задача—объяснить эту дѣйствительность т. е. факты или „опытъ“, въ широкомъ смыслѣ слова. Объяснить значитъ найти для каждаго факта его классъ, законъ, причину и цѣль.—*Методъ* науки слагается изъ трехъ основныхъ элементовъ: констатированія, предположенія его объяснительной гипотезы и ея оправданія. Эти средства научнаго метода не освобождаютъ, конечно, науку отъ ея неизбѣжной неполноты и относительности; но это не лишаетъ ея извѣстной доли *положительнаго значенія* и отнюдь не оправдываетъ скептицизма.—Въ заключеніе трактата о наукѣ авторъ говоритъ объ ея *постулатахъ*. Эти постулаты науки суть: 1) свобода человѣка; 2) различіе познающаго субъекта и познаваемаго объекта; 3) гармонія между фактами и разумомъ и, наконецъ, 4) признаніе универсальнаго порядка.

Итакъ, родовой признакъ философіи (т. е. понятіе науки)

¹⁾ По постановкѣ дѣла книга Навиля очень походитъ на сочиненіе *Desdoutis'a: La Métaphysique et ses rapports avec les autres sciences*. Paris. 1880, 222 p. (сочиненіе Десдута удостоено отъ Пар. Академіи преміи).

установленъ. Теперь слѣдуетъ выяснитъ ея видовую разность (*differentia specifica*). Что такое философія въ своихъ *отличительныхъ* особенностяхъ, какъ *своеобразная* область человѣческой мысли, — мы это знаемъ непосредственно. „Въ каталогахъ библиотекъ есть мѣсто, назначаемое для философскихъ сочиненій. Въ университетскихъ программахъ существуютъ особенные курсы философіи. Въ біографическихъ словаряхъ указано особое число людей съ именемъ философовъ. Исторія философіи отличается отъ всѣхъ другихъ повѣствованій о судьбахъ человечества. Конечно, существуютъ большія разногласія относительно классификаціи книгъ. Но никто не затруднится, на примѣръ, отнести Аристотеля, Платона, Декарта, Лейбница, Канта къ разряду философовъ и никому не придетъ въ голову помѣстить сюда, на прим., Цезаря, Рафаеля, Бетховена. Можно сомнѣваться относительно мѣста той или другой книги въ каталогѣ, но никто не помѣститъ, на прим., трактатъ по земледѣлію или опытъ чисто литературной критики подъ рубрикой философіи, которая въ своей сущности не подвергается спорамъ и разногласіямъ“ (стр. 142). Итакъ, объ отличительныхъ особенностяхъ мы знаемъ непосредственно. Но, конечно, при установкѣ *научнаго* понятія о ней намъ нельзя ограничиваться этимъ *непосредственнымъ* знаніемъ особенностей философіи въ ряду другихъ наукъ и необходимо ближе и методически выяснитъ ея своеобразныя черты и область, что авторъ и дѣлаетъ далѣе.

Что касается, прежде всего, *области* философіи, то въ данномъ отношеніи философія представляетъ ту странность, что ея область не можетъ быть точно отграничена: философію характеризуетъ *общность* матеріала, подлежащаго ея изученію. Однако, включая въ свою область всѣ предметы, всю дѣйствительность въ цѣломъ, она изучаемъ ее лишь *съ одной стороны* и въ опредѣленномъ отношеніи, — именно со стороны единаго, все объясняющаго, „универсальнаго“ или абсолютнаго принципа. Она не есть поэтому лишь суммированіе научныхъ результатовъ, но — продолженіе и завершеніе наукъ. Съ этой точки зрѣнія открывается и ея практическое значеніе, какъ „мудрости“, уясняющей смыслъ всего бытія и жизни. — Далѣе, *методъ* философіи, правда, есть тотъ-же общенаучный методъ, которымъ развиваются

и всѣ другія науки ¹⁾ Но, въ отличіе отъ другихъ наукъ, въ философіи, въ силу ея не теоретическаго только, но и глубокаго жизненно-практическаго значенія, должно быть усвояемо законное значеніе и внушеніямъ сердца, нравственнымъ инстинктамъ нашей природы и пр. Этимъ задача философской методологіи усложняется: необходимо уравновѣсить требованія логики и внушенія сердца,—необходимо постоянно имѣть въ виду, чтобы философія, принимая во вниманіе практическіе мотивы мысли, въ тоже время сохраняла свою полную независимость отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній (политическихъ, національныхъ, религіозныхъ и пр.). Соблюсти научную объективность, при своей близости къ глубочайшимъ интересамъ человѣческой мысли и жизни,—вотъ трудная задача философіи и вмѣстѣ ея особенность, въ отношеніи къ методу. — Какъ у всѣхъ другихъ наукъ, такъ и у философіи есть, наконецъ, свои *постулаты*. Кромѣ постулатовъ общенаучныхъ, перечисленныхъ выше, она имѣетъ и свой собственный,—идею перваго принципа, равно какъ и другія заключающіяся въ этой идеѣ понятія: безконечнаго, необходимаго, вѣчнаго ²⁾.

Мы намѣтили лишь схему или конспектъ книги Навиля и по необходимости должны воздержаться здѣсь (въ виду краткости мѣста) отъ ея подробнаго изложенія ³⁾. Выскажемъ теперь нѣсколько общихъ замѣчаній объ ея характерѣ и значеніи.

Одинъ изъ рецензентовъ книги Навиля, въ заключеніе серьезнаго и обстоятельнаго ея анализа, говоритъ: „полез-

¹⁾ Методъ философіи такъ-же какъ и методъ каждой другой науки слѣдуютъ изъ трехъ частей: анализа (различеніе основныхъ элементовъ міра: матерія, жизнь, духъ), синтеза (объясненіе данныхъ анализа посредствомъ установки ихъ связи съ высшимъ принципомъ, а равно и — опредѣленіе того, что быть должно) и гипотезы (выборъ философской гипотезы предполагаетъ обширное знаніе исторіи философіи).

²⁾ Въ заключеніи авторъ говоритъ о вѣроятныхъ будущихъ судьбахъ философіи; ея судьба тѣсно связана съ особенными интересами человѣческаго разума и, поэтому не смотря на протесты противъ философіи и временное равнодушіе къ ней, будущность ея обезпечена. И именно теперь, въ наше время, замѣчается снова оживленіе интереса къ философіи, котораго еще недавно, казалось, былъ совсѣмъ искорененъ позитивизмомъ.

³⁾ Книга Навиля переведена, подъ нашею редакціею, на русскій языкъ. Переводъ этотъ теперь печатается въ журналѣ: „*Вѣра и Разумъ*“ и въ непродолжительномъ времени выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ.

ное для всѣхъ, чтеніе этого труда, по нашему мнѣнію, особенно можетъ быть рекомендовано тѣмъ, которые, приступая къ изученію философіи, хотятъ, чтобы это изученіе было дѣйствительно плодотворно для образованія ихъ духа“ (*George Lechalas*, см. *Revue philosophique*, 1894, № 11, Novembre, p. 536). Мы вполне раздѣляемъ этотъ взглядъ почтеннаго французскаго рецензента. Трудно въ современной философской литературѣ найти по занимающему насъ теперь предмету книгу, которая-бы совмѣщала въ себѣ такія достоинства, какъ книга Навиля. Мы укажемъ здѣсь кратко эти достоинства.

1. *Широта и основательность постановки вопроса.* Понятіе о философіи устанавливается въ книгѣ на широкомъ и прочномъ фундаментѣ,— на понятіи о наукѣ вообще, ея задачахъ и методахъ. Такою постановкою дѣла исключается всякій субъективизмъ въ пониманіи предмета, столь обычно характеризующій взгляды на философію. Въ большинствѣ случаевъ эти взгляды опредѣляются личною точкою зрѣнія и личными убѣжденіями ихъ авторовъ. Здѣсь-же, въ силу и въ слѣдствіе указанной постановки дѣла, личная точка зрѣнія автора, его склонности и симпатіи, если и не совсѣмъ устраняются (что вообще очень трудно), то во всякомъ случаѣ отступаютъ на второй планъ предъ объективными требованіями мысли.

2. *Возвышенность и благородство тона.* Авторъ—спиритуалистъ (и пожалуй даже аристотеликъ); но его спиритуализмъ очень широкій и отнюдь не исключительный. Онъ охотно допускаетъ въ свое міросозерцаніе элементы истины изъ всѣхъ системъ, какъ-бы отличны онѣ ни были по своимъ принципамъ отъ его собственной, и даже тамъ, гдѣ онъ расходится съ мнѣніемъ того или другаго мыслителя, онъ выражаетъ свое несогласіе обыкновенно очень сдержанно, съ ограниченіями, съ признаніемъ доли истины во мнѣніи противника и съ уваженіемъ къ его мысли. По вѣрному выраженію того-же рецензента, слова котораго мы привели выше, въ новомъ трудѣ женевскаго философа, при обычной возвышенности его мысли, „лучшія философскія традиціи счастливо соединяются съ результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій.“

3. *Опредѣленность, ясность и конкретность изло-*

женія.. Взгляды автора выработаны съ такою отчетливостію, что онъ нашель возможнымъ изложить всю книгу въ формѣ отдѣльныхъ тезисовъ, что, правда, придаетъ ей нѣсколько схематическій характеръ, но за то содѣйствуетъ ей легкому усвоенію. Языкъ книги точный и изложеніе совершенно чуждо того „пагубнаго глубокомыслія“, которое характеризуетъ большинство нѣмецкихъ книгъ и столь затрудняетъ ихъ чтеніе и пониманіе. Мысль автора обыкновенно иллюстрируется примѣрами, подбираемыми удачно и со знаніемъ дѣла изъ различныхъ областей науки. Такимъ образомъ, мимоходомъ читатель книги Навиля усвоетъ массу частныхъ свѣдѣній изъ различныхъ наукъ.

Въ виду всѣхъ этихъ достоинствъ, книгу Навиля можно смѣло рекомендовать вниманію читателей.

IV.

Oswald Külpe, Prof. an der Universität Würzburg: Einleitung in die Philosophie, Leipzig, 1895. I—VIII+276.

Освальдъ Кюльпе, авторъ съ довольно прочной и установившейся репутаціей въ современномъ философскомъ мірѣ (самый значительный трудъ его—*Grundriss der Psychologie auf experimenteller Grundlage*, Leipzig, 1893, Ss. 478), предлагаетъ въ своей новой книгѣ, заглавіе которой нами выписано, „Введеніе въ философію“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ литературѣ выработались два типа курсовъ „Введенія въ философію“. Въ однихъ дается общая (для начинающихъ, главнымъ образомъ) постановка основныхъ философскихъ проблемъ и намѣчается одно определенное ихъ рѣшеніе (таковы, наприм.: въ свое время довольно популярный, выдержавшій нѣсколько изданій, *Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie Гербарта* и—недавно переведенное на русскій языкъ, а въ Германіи вышедшее уже третьимъ изданіемъ, „Введеніе въ философію“ *Паульсена*). Въ другихъ дается историческая (а не предметная, какъ въ курсахъ перваго типа) постановка проблемъ съ указаніемъ всѣхъ основныхъ, исторически выработанныхъ, типовъ ихъ рѣшенія (таковы изъ многихъ: *Einleitung in die Philosophie, Рейхлина-Мельдега*, 1870, и болѣе извѣст-

ный трудъ *Штрюмпеля*: *Einleitung in die Philosophie vom Standpuncte der Geschichte der Philosophie*, 1886). „Введение“ Кюльпе примыкаетъ къ курсамъ этого послѣдняго типа ¹⁾. „Мы хотимъ,— такъ опредѣляетъ онъ задачу своего труда,—помочь разобраться въ исторіи и современномъ положеніи философіи тѣмъ, у кого нѣтъ еще никакихъ предварительныхъ свѣдѣній по философіи. Съ этою цѣлью мы изслѣдуемъ въ первой главѣ понятіе о философіи и ея составъ и раздѣленіе; во второй дѣлаемъ обзоръ имѣющихъ значеніе въ настоящее время философскихъ дисциплинъ; въ третьей характеризуемъ важнѣйшія направленія философіи. Этимъ путемъ прежде всего можетъ быть облегчено пониманіе специальныхъ философскихъ курсовъ (лекцій) и сочиненій, а указаніе важнѣйшей литературы по каждой отдѣльной отрасли философскаго знанія (какое указаніе постоянно дѣлается въ книгѣ Кюльпе) обратитъ вниманіе начинающаго на труды, наиболѣе пригодные для болѣе глубокаго изученія предметовъ. Наконецъ, въ краткой четвертой главѣ объединяется все, относящееся къ вопросамъ о задачѣ и системѣ философіи, съ новой точки зрѣнія, какъ она опредѣлилась у насъ на основаніи критическаго обсужденія дѣйствительнаго историческаго положенія философіи и ея значенія“ (стр. 5).

Само собою понятно, что, при множествѣ затрогиваемыхъ вопросовъ и при чрезвычайной обширности историко-философскаго поля, авторъ долженъ былъ ограничиваться лишь самыми общими указаніями и, поэтому, его „Введение“ представляетъ интересъ дѣйствительно только для „начинающихъ“. Но за то этимъ послѣднимъ книга безспорно должна быть полезна,—сколько своими біографическими указаніями, столько-же и положительными историко-философскими свѣдѣніями, изложенными всегда „коротко и ясно“. Въ первой главѣ авторъ показываетъ, какъ понималась философія и ея составъ въ различныя эпохи и у различныхъ философовъ, начиная съ глубокой древности. Потомъ знакомитъ съ историческими судьбами какъ общихъ философскихъ наукъ

¹⁾ По характеру и приемамъ книга Кюльпе напоминаетъ известное „Введение въ философію“ (разборъ основныхъ началъ философіи вообще) *Германа Струве*, Варшава, 1890 г.; но не такъ загромождена подробностями критико-библиографическаго характера, какъ это послѣднее.

(Метафизика; Теорія знанія и Логика), такъ и спеціальныхъ (Натурфилософія, Психологія, Этика и Философія права, Эстетика, Философія религіи, Философія исторіи). Третья глава,—наиболѣе важная и интересная,—характеризуетъ различныя направленія философіи, при чемъ классифицируетъ ихъ съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) метафизическія направленія (сингуляризмъ и плюрализмъ; матеріализмъ, спиритуализмъ; дуализмъ, монизмъ; механизмъ и телеологія; детерминизмъ и индетерминизмъ; теологическія направленія въ метафизикѣ и направленія психологическія); 2) направленія теоретико-познавательныя (раціонализмъ, эмпиризмъ и критицизмъ; догматизмъ, скептицизмъ, позитивизмъ и критицизмъ; идеализмъ, реализмъ и феноменализмъ); 3) направленія этическія (взгляды на происхожденіе нравственности; мораль чувства и рефлексіи; индивидуализмъ и универсализмъ; субъективизмъ и объективизмъ). Конечно, внимательная критика могла-бы добрую половину этихъ рубрикъ подчеркнуть, такъ какъ здѣсь различными терминами иногда обозначаются направленія мысли или сходныя или даже и прямо тождественныя. Но историческое объясненіе всѣхъ этихъ терминовъ, составляющихъ, такъ сказать, философскую азбуку, для „начинающихъ“, безъ сомнѣнія, необходимо. Съ этой, *дидактической* точки зрѣнія до извѣстной степени можетъ быть оправдано и усвоеніе самостоятельности типамъ мысли, соответствующимъ всѣмъ этимъ терминамъ, хотя они (типы) не только въ исторіи, но и по своему внутреннему смыслу и характеру иногда совпадаютъ.

Что касается теперь собственныхъ, изложенныхъ въ концѣ книги, взглядовъ автора на предметъ, задачи и составъ философіи, то они довольно своеобразны. Авторъ думаетъ, что дать опредѣленіе философіи въ строгомъ смыслѣ этого логическаго термина (т. е. опредѣлить философію путемъ указанія ея *genus proximum* и *differentia specifica*) нельзя, такъ какъ нельзя указать безспорно *видовую разность* этой „науки“,—ни въ ея предметѣ ни въ формѣ. Въ такихъ случаяхъ т. е. при невозможности дать строгое опредѣленіе предмета, логика рекомендуетъ устанавливать понятіе посредствомъ опредѣленія его частей или элементовъ (*divisive*). Этимъ путемъ и проходитъ авторъ.

Онъ находитъ, что *три* различныхъ задачи всегда служили цѣлью философскихъ стремленій. *Первая задача* состоитъ „въ развитіи широкаго и законченнаго міросозерцанія“, которое съ одной стороны, извлекаетъ пользу изъ всего того, что даетъ научное знаніе той или другой извѣстной эпохи, а съ другой пользуется, какъ необходимою руководящею нитью, тою практическою точкою зрѣнія, которой преимущественно должно служить это міросозерцаніе (стр. 260). *Вторая задача* философіи, состоитъ „въ изслѣдованіи предположеній всѣхъ наукъ“ (каковы понятія: пространства, времени, причинности, а такъ-же и методы научнаго мышленія). „*Третья*, по своему содержанію наиболѣе подверженная различнымъ колебаніямъ, *задача* философіи состоитъ, по Кюльпе, въ подготовленіи новыхъ частныхъ наукъ, равно какъ и специально-научныхъ знаній“ (261). Первые двѣ задачи уже достаточно опредѣлились въ исторіи философіи и извѣстны (одна подъ именемъ Метафизики, а другая—подъ именемъ „Наукоученія“). Но послѣдняя не имѣетъ еще имени и авторъ отказывается дать ей таковое; но онъ полагаетъ, что эта задача столь-же реальна, какъ и двѣ первыя, и что она не менѣе могуче направляла историко-философскій процессъ, проявляясь и какъ критика стараго и какъ запросъ новаго.

Итакъ, вотъ три главныхъ задачи философіи. Конечно, нѣтъ никакого препятствія къ объединенію этихъ задачъ и онѣ дѣйствительно часто совмѣщались въ дѣятельности философовъ. Но все-же обыкновенно какая-нибудь одна изъ нихъ выступала наиболѣе отчетливо.

Если, по Кюльпе, уже понятіе о философіи нельзя формулировать въ одномъ законченномъ и органически связаномъ опредѣленіи, но необходимо уяснить косвенно, путемъ установки частныхъ задачъ философіи, то заранѣе можно ожидать, что и къ систематической формѣ философіи онъ отнесетъ сдержанно. Такое отношеніе къ вопросу о систематической формѣ философіи мы дѣйствительно и находимъ къ разсматриваемой книгѣ. Система философіи, въ строгомъ смыслѣ, по Кюльпе, невозможна, хотя можно намѣтить руководящія точки зрѣнія для систематическаго расчлененія философіи, соотвѣтственно тремъ вышеуказаннымъ частнымъ задачамъ ея. И именно Метафизика, какъ на-

учно-практически обоснованное міросозерцаніе, распадается, по Кюльпе, на двѣ части: общую и спеціальную. Общая часть Метафизики (онтологія) устанавливаетъ высшіе и послѣдніе *принципы* сущаго, а спеціальная — основные *законы* бытія природы и духа (философія природы или космологія и философія духа или психологія). Такъ какъ общіе принципы сущаго, очевидно, должны быть устанавливаемы на основаніи законовъ бытія природы и духа, то онтологію необходимо, по Кюльпе, вопреки установившемуся, но не имѣющему подъ собою прочныхъ основаній, обыкновенію помѣщать *послѣ*, а не прежде космологіи и психологіи. — „Наукоученіе“, которое должно изслѣдовать предположенія всѣхъ наукъ, раздѣляется на ученіе о матеріальныхъ и формальныхъ предположеніяхъ знанія. Первая разсматриваетъ Теорія знанія; вторая — Логика. Это и суть основныя науки, входящія въ составъ философіи, по ея второй задачь. — Наконецъ, что касается систематизаціи наукъ, относящихся къ третьей части философіи, опредѣляемой ея подготовительною ролью въ отношеніи къ спеціальнымъ и частнымъ наукамъ, то тутъ априори ничего нельзя установить. Въ виду этого Кюльпе ограничивается лишь перечнемъ наукъ, которыя *теперь* разсматриваются, какъ подготовляемыя философіею и на этомъ основаніи къ ней относятся. Эти науки суть: Психологія, Этика, Эстетика, Соціологія и отчасти Философія религіи.

Такимъ образомъ, Кюльпе классифицируетъ философскія науки по частнымъ философскимъ задачамъ. По нашему мнѣнію, эта схема отчетливѣе и устойчивѣе указанныхъ выше схемъ Лимбурга (по степени абстрактности фил. наукъ) и Фолькельта (основаніе, вершина и „средняя область“). Но почему Кюльпе не хочетъ свести всѣ частныя задачи къ одному началу? Развѣ это такъ трудно? Не очевидно-ли, что „подготовительная“ роль философіи можетъ быть объединена съ ея задачею, какъ наукоученія, а эта послѣдняя поставлена въ связь съ метафизическимъ изученіемъ сущаго? Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ логика не позволяетъ считать вполнѣ удовлетворительными классификаціи, въ которыхъ не выдержано единство принципа. Съ этой точки зрѣнія, далѣе, мы считаемъ и трудность дать опредѣленіе философіи обычнымъ путемъ (т. е. чрезъ ука-

заніе рода и вида), на которой такъ настаиваетъ Кюльпе и въ чемъ одна изъ особенностей его взгляда, сильно преувеличенную. Въ вышеуказанной книгѣ Навила эта трудность разрѣшена.

Въ концѣ книги Кюльпе приложены два указателя (предметный и именной), что весьма облегчаетъ пользованіе ею.

V.

Нашъ библиографическій очеркъ былъ-бы неполонъ, если-бы, охарактеризовавъ наиболѣе значительныя литературныя явленія въ области нашего вопроса, мы не отмѣтили и нѣкоторыхъ второстепенныхъ. Это мы и сдѣлаемъ здѣсь въ заключеніе своего очерка.

Richard Behm: Vorschule der Philosophie in Briefen an einen jungen Freund, Heidelberg. 1893. Ss. 62.

Эта маленькая, популярно написанная, книжка небезызвѣстнаго въ философскомъ мірѣ автора говоритъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ (о самообразованіи, о философіи и философствованіи, объ отношеніи философіи къ жизни, о самостоятельности мышленія и пр.), говоритъ съ убѣжденіемъ, въ формѣ писемъ къ другу. Задача ея пробудить интересъ къ философіи. Назначается для юношества, равно какъ и „для тѣхъ людей, которые и въ зрѣлыхъ лѣтахъ способны чувствовать себя юными и какъ-бы только еще начинающими свое развитіе“ („Werdende“). Книжка написана съ огонькомъ. Если-бы она нашла переводчика и издателя, вѣроятно, была-бы прочтена многими съ интересомъ.

Krause: Der Begriff d. Philosophie. Aus dem handschriftlich. Nachlass des Vfs hrsg. von P. Hohlfeld u. A. Wünsche. Leipzig, VIII+108. 1893.

Посмертное изданіе. Конечно, въ книгѣ Краузе было-бы странно искать отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые возникли лишь послѣ его, уже сравнительно давней (ум. 27 Сентября 1832 г.), смерти. Но за то въ книгѣ много серьезныхъ и глубокихъ разясненій *принципiального* характера. Впрочемъ, за это ручается уже и самое имя автора, который во всякомъ случаѣ обладалъ недюжиннымъ философскимъ дарованіемъ.

Gustav Engel: Die Philosophie und d. sociale Frage. Leipzig. 1892. S. 41 (Phil. Vorträge hrsg. von der phil. Gesellschaft zu Berliu. Neue Folge, Heft. 21).

Wetterhahn: Das Verhältniss der Philos. zu der empirischen Wissenschaft von d. Natur. Leipzig. 1894. VIII+110 S.

Feldegg, Ritter: Das Verhältniss der Phil. zur empirischen Wissenschaft von d. Natur (Beantwortung der von der phil. Gesellschaft in Berlin gestellten Preisfrage). Wien. 1894. III+48 S. gr. 8.

Въ этихъ трехъ книжкахъ можно найти полезныя разясненія и свѣдѣнія изъ области тѣхъ вопросовъ, которымъ онѣ посвящены (т. е. вопросовъ объ отношеніи философіи къ естествознанію жизни).

Russe: Introduction of Philosophy. Tokyo. 1893. 142 p.

Объ этой безцвѣтной книжкѣ нѣмецкаго философа, не добившагося философской кафедры въ своемъ отечествѣ и уѣхавшаго въ Токио обучать философіи японцевъ (для которыхъ она и написала по англійски и, конечно, плохимъ языкомъ), мы упоминаемъ здѣсь единственно затѣмъ, чтобы предупредить читателя, который, соблазнившись слишкомъ опредѣленнымъ заглавіемъ книги, захотѣлъ-бы ее выписать. Книжка не обладаетъ ни оригинальностью, ни глубиною, ни даже опредѣленностью. Она написана въ новокантіанскомъ духѣ, но ея новокантіанство выражено не смѣло и проведено вѣнслѣдовательно (самъ авторъ, впрочемъ, называетъ свою точку зрѣнія *идеалистическимъ пантеизмомъ*, p. 142). Вообще вся книжка производитъ впечатлѣніе чего-то нерѣшительнаго и неопредѣленнаго,—какъ-бы недоговореннаго.

На этомъ мы кончимъ свой очеркъ. Мелкихъ статей, относящихся къ области нашего вопроса, разсѣянныхъ въ журналахъ и сборникахъ, мы, конечно, указывать не можемъ. Общія-же курсы философіи, въ которыхъ можно находить эти разъясненія, будутъ указаны нами ниже,—въ одной изъ слѣдующихъ статей. Въ заключеніе позволимъ себѣ, для ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ философіи въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг., отослать къ нашей книгѣ: „Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи“.

Алексѣй Введенскій.
